

ПОДХОД Д. ТРАМПА К КИТАЮ: ОЦЕНКА МОТИВАЦИИ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

© 2018 г. **С.М. Труш***
Статья поступила в редакцию 8.12.2017.

Один из глубинных мотивов политики Д. Трампа в отношении Китая – "деглобализация". Президент стремится максимально оградить экономику США, ряд её традиционных отраслей от негативного влияния международного разделения труда. Китай как главный бенефициар глобализации находится в центре этого конфликта. "Бизнес-подход" Д. Трампа к решению внешнеполитических проблем с Китаем страдает серьёзными изъянами. Это подход иногда срывает, но очень часто бывает не в состоянии обеспечить эффективную коммуникацию и поиск компромисса. Приход Д. Трампа привёл новые кадры и новые ценности во внешнеполитическую элиту США, создав в ней новые конфликты и напряжение.

Ключевые слова: *современный этап развития американо-китайских отношений; подход администрации Д. Трампа; проблемы глобализации; внешнеторговый дефицит; Транстихоокеанское партнёрство; проблема Тайваня; конфликт в Южно-Китайском море; урегулирование на Корейском полуострове.*

Китайская тема стала одной из ключевых в предвыборной кампании Дональда Трампа. Сразу после вступления в должность новый президент США продемонстрировал своё намерение реализовывать данные им обещания. Об этом свидетельствовали его решения о выходе США из Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) и Парижского соглашения по климату, директивы по сокращению иммиграции, по программе медицинского страхования, намерение строить стену на границе с Мексикой, проект кардинальной налоговой реформы. Многие из этих шагов натолкнулись на противодействие Конгресса и судебных властей, но решимость президента осуществить эти меры была заявлена и сохраняется.

Что касается реализации предвыборных обещаний Д. Трампа в сфере отношений с Китаем, то картина оказалось более сложной, чем представлялось ранее. По прошествии первого года на посту президента, нельзя сказать, что озвученные в предвыборный год критика и претензии в адрес КНР были реализованы. Наоборот, состоявшиеся в апреле и ноябре контакты Д. Трампа с лидером КНР Си Цзиньпином на высшем уровне были весьма продуктивными. Скорее можно говорить, что реализация инвектив Д. Трампа в адрес КНР как в поли-

*ТРУШ Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок 2/3 (zebra758@gmail.com).

Статья подготовлена в рамках проекта при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), грант 17-07-00013-а.

тической, так и особенного в экономической сфере отношений, как минимум, отложена или поставлена "на паузу". Политическая реальность, с которой столкнулся Д. Трамп сразу по вступлению в должность: противодействие демократов и либерального фланга правящего класса США, поддерживавшего Хиллари Клинтон, обвинения в "неподобающих" связях с Россией в ходе предвыборной кампании, а также обострение обстановки на Корейском полуострове, – скорее всего и определила эту паузу на китайском направлении.

Основные события и действия администрации Д. Трампа по отношению к Китаю в первый год его президентства уже стали предметом анализа и оценки в российской политологии, в том числе и автором данной статьи [Труш С.М., 2017: 106–123]. В этой публикации хотелось бы поразмышлять о более глубоких мотивах китайской политики Вашингтона, а также дипломатическом инструментарии, особенностях внешнеполитического стиля, которые проявились у президента США в его политике на этом направлении. Эти размышления носят предварительный характер: более систематичный и всесторонний разбор такой темы вряд ли возможен по результатам начального года деятельности администрации.

Оковы глобализации

Ещё в процессе предвыборной кампании в США по мере роста популярности республиканского кандидата и в самой Америке, и в мире был поставлен вопрос о "феномене" Д. Трампа. Аналитики и эксперты, мировые СМИ пытались понять, какие глубинные сдвиги, социально-экономические силы, идеологические ценности в американском обществе представляет Д. Трамп, к чему они ведут общество? На наш взгляд, в этой дискуссии весьма обоснованным представляется мнение о Д. Трампе как знаковой фигуре, по сути лидере своего рода "революции", разворачивающейся в американском обществе.

Суть этой "революции", или по меньшей мере мощного социально-политического сдвига заключается в следующем. "Глобализация", свобода движения капитала, информации и рабочей силы, набравшая обороты с конца прошлого века, ускорив и во многом предопределив крах СССР и коммунистического блока, дала колоссальные рычаги усиления и могущества самой богатой и самой мощной из глобализированных стран – США. В отсутствие системного соперника в мире в лице СССР, транснациональные корпорации, крупный инновационный и технологический бизнес Соединённых Штатов поставили под свой контроль – практически монополизировали – международное разделение труда. Оказавшись таким образом главным бенефициаром глобализации, наукоёмкие и техноёмкие ТНК и корпорации "новой экономики" США (информационные технологии, биотехнологии, новые материалы, фармацевтическая и электронная промышленность) многократно увеличили свою капитализацию, вышли на объёмы сверхприбылей несравненно выше традиционных "неглобализированных" производств страны. На волне этого процесса сформировалась и возросла "имперскость" во внешней политике Вашингтона, в американском обществе усилились элитные социальные слои и силы – "глобалисты", которые наращивали своё экономиче-

ское и внешнеполитическое могущество в том числе и за счёт американского среднего класса. "Глобалисты" как республиканцы, так и демократы, в качестве своей политической философии руководствовались идеями о "конце истории", об "окончательной мировой победе либерализма". Они проводили стратегию повсеместного экспорта и некритического навязывания всему миру либеральной матрицы ценностей и идеалов западного мира. Используя своё политико-экономическое доминирование и эксплуатацию глобального разделения труда в своих интересах, "глобалисты" обеспечили транснациональному бизнесу колоссальные сверхприбыли, отрывавшие его от основной массы среднего класса Америки. Процветание крупного глобализованного бизнеса США, отраслей и корпораций "новой экономики" Соединённых Штатов стало всё меньше зависеть и быть связанным с традиционными отраслями экономики – сталелитейной, электротехнической, химической промышленностями, энергетикой, строительством. Это процветание всё больше зависело и зиждилось на производствах и сборочных мощностях вне США – в Китае, Мексике, Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии. Возникли существенные диспропорции в доходах и политическом представительстве сегментов бизнеса и американского среднего класса, ориентированных либо на глобальные, либо национальные производственные площадки и рабочую силу. Процветание и сверхдоходы "глобалистов" стали в значительной степени зависеть от надстройки политического класса Соединённых Штатов, воспроизводившего, поддерживавшего и охранявшего глобализационную парадигму мира, свои связи с мировой экономической периферией¹.

В последние два десятилетия, начиная с администраций Дж. Буша-мл., "глобалисты" ощутили на себе давление в связи с рядом крупных затруднений и региональных поражений процесса глобализации в геοэкономике и геополитике. Это и подъём Китая, так или иначе продвигающего собственную модель экономического и политического развития, фактическое выпадение из глобализационной матрицы Ближнего и Среднего Востока, усиление антиглобалистского по своей сути мирового исламского терроризма, реально не контролируемое расползание ядерного оружия, выпадение России из консенсуса с Западом, её претензии на роль центра силы и антизападного ядра, "брексит" как симптом кризиса интеграционных тенденций в Европе.

Консерватор Д. Трамп своей политической программой и интуитивно и вполне осознанно выступил за слом политического господства "глобалистов", призывая отказаться от чрезмерных и отягчающих бремя среднего класса внешних обязательств США. Лозунг "Сделаем Америку вновь великой!" (*Make America Great Again*) ориентирован в первую очередь на благосостояние и традиционно-консервативные устои среднего класса и национального бизнеса Америки. Отсюда главные элементы программы Д. Трампа: низкие налоги, ограничения роли государства в экономике, сокращение социальных программ, отказ от чрезмерных глобальных обязательств США, протекционизм и защита

¹ См.: А. Безруков: Трамп как зеркало американской революции. Available at: <https://iz.ru/633389/andrei-bezrukov/donald-tramp-kak-zerkalo-amerikanskoi-revoliucii> (accessed 18.08.2017).

национального производителя, решительная борьба с дефицитом госдолга, сокращение иммиграции и ужесточение миграционного режима.

Решение о выходе США из ТТП в целом благоприятствовало интересам Китая. Транстихоокеанское партнёрство, будучи реализованным, причём на достаточно жёстких и неприемлемых для китайской экономической модели принципах, явно бы сужало пространство, сковывало руки китайской экономической активности в странах-участниках [Труш С.М., 2013: 127–140]. ТТП на момент своего создания представляло собой наиболее "прописанный", самый представительный и влиятельный проект экономического сообщества в АТР с далеко идущими перспективами. При благоприятной эволюции он создал бы основу для глубокого проникновения и интеграции экономик 11 стран региона АТР, Северной и Южной Америки с экономикой США при доминирующей и лидирующей роли последних. Теперь этот вакуум экономического влияния потенциально мог бы быть заполнен Китаем.

Китай практически сразу подал сигнал, что он готов к этой роли. Выступая на экономическом форуме в Давосе в феврале 2017 г., Си Цзиньпин сделал заявление о том, что вне зависимости от нынешней позиции американской администрации Китай будет продолжать отстаивать "свободу торговли" на мировых рынках². Это было расценено наблюдателями как свидетельство того, что Китай в случае "деглобализации" экономической стратегии Соединенных Штатов готов в силу своих ресурсов заменить США в качестве центра глобальной экономики.

Подвижки в геэкономическом раскладе Соединённые Штаты Америки – Китай ещё в большей мере проявились в конце года в ходе знаковой поездки Д. Трампа по Восточной Азии и особенно во время саммита АТЭС (*Asia-Pacific Economic Cooperation, APEC*) в Дананге (Вьетнам). Речь Д. Трампа в Дананге стала наиболее яркой манифестацией его установки "Сделаем Америку вновь великой" на этот раз для аудитории стран АТР. Выступая в организации, цель которой заключается в консолидации экономик 21 страны АТР, президент Д. Трамп заявил, что он не подпишет никаких региональных либо многосторонних торговых соглашений. Подобное соглашение, подчеркнул Д. Трамп, связывает руки Соединённым Штатам. Президент выступил с критикой ВТО, недвусмысленно обвинив эту организацию в предвзятом подходе к США. Он заверил аудиторию, что явному и недостойному "обману" США со стороны её партнёров по ВТО, что проявляется в масштабных торговых дефицитах США с группой стран, будет положен конец. При этом президент США проявил недюжинный дипломатический талант, сказав что он не винит в этих несправедливостях сами страны-экспортёры АТР, которые лишь использовали благоприятную для себя возможность созданную предыдущими администрациями страны³. Дипломатический манёвр скорее всего стал результатом хорошо про-

² Xi charts globalization course at Davos forum with Chinese plan. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017wef/2017-01/18/content_27990027.htm (accessed 20.02.2017).

³ Remarks by President Trump at APEC CEO Summit | Da Nang, Vietnam. Available at: www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam (accessed 15.11.2017).

думанной и весьма креативной домашней заготовки советников президента, готовивших этот визит. Он продемонстрировал весьма удачный политический кульбит, выполненный президентом США по сравнению с его прежней весьма непродуктивной, конфронтующей и даже тупиковой позицией по данному вопросу. С аналогичной формулой, уходящей от конфронтации с контрагентом, но оставляющего заявленную переговорную позицию-требование Соединённых Штатов на столе переговоров, Д. Трамп выступил и в ходе своего госвизита в КНР чуть ранее. Это бесспорно следует признать характерной особенностью его дипломатического стиля.

Параллельно с этим Д. Трамп предложил странам Индийского и Тихого океанов строить торговые отношения на основе двусторонних соглашений с США. К заключению подобных двусторонних отношений Вашингтон готов приступить незамедлительно⁴.

Попутно заметим, что вряд ли кто-либо из участников многосторонних форматов типа АТЭС (пожалуй, за исключением Филиппин) готов потенциально откликнуться на такой призыв Д. Трампа. Во-первых, они опасаются того, что двусторонние соглашения с США действительно уменьшат их профициты в торговле с Америкой. Во-вторых, нельзя не признать, что многосторонние форматы преференциальных торговых соглашений типа ТТП более выгодны для многих стран АТР, вовлечённых в глобальные цепочки стоимости.

Со своей стороны на форуме в Дананге китайская делегация повторила и даже усилила своё стремление выступать гарантом многосторонних соглашений, свободной торговли и глобализации. Выступая в Дананге, Си Цзиньпин нарисовал перед аудиторией принципиально иную картину. Защищая ценности свободной торговли, председатель КНР заявил, что глобализация представляет объективный и необратимый процесс, хотя он и нуждается в разумном регулировании. Глобализацию, считает лидер КНР, необходимо сделать "более инклюзивной и сбалансированной"⁵.

Несомненно запуск и продвижение инициатив КНР типа "Шёлковый путь" и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) свидетельствуют о росте геоэкономического веса и влияния Поднебесной.

При помощи этих форматов Китай способен инвестировать свои солидные финансовые ресурсы в модернизацию инфраструктуры в Евразии. Это неизбежно ведёт к большей взаимозависимости евразийских экономик при доминирующей роли Китая.

Следует констатировать, что Китай по многим причинам сильно мотивирован на продолжение глобализационного тренда в мировой экономике. Слом существующего статус-кво – режимов мировой экономики на основе глобализации и международного разделения труда, бенефициаром которых Китай был последние десятилетия, смена этого статус-кво на общемировой тренд на протекционизм, высокие заградительные тарифы и торговые войны существенно осложнит для КНР выполнение масштабных внутренних задач.

⁴ Ibid.

⁵ Full text of Chinese President Xi's address at APEC CEO Summit Xinhua Updated: 2017-11-11 07:24. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017-11/11/content_34393531.htm (accessed 15.11.2017).

Китай в настоящее время переживает определённый переходный этап в движении от модели развития ориентированной на экспортное производство к модели с преобладающим акцентом на внутреннее потребление. Ещё совсем недавно, в конце прошлого десятилетия, доля экспортной продукции составляла значимую долю – до 40% китайского ВВП. Вместе с тем, переход к новой парадигме развития – это процесс реформирования, сопряжённый с большими трудностями и напряжениями в экономическом, социальном, политико-идеологическом плане. В ходе этого процесса неизбежно обостряется социально-политическая стабильность в стране, к правящей элите возникает много разных идеологически и политически деликатных вопросов. Переход к новому этапу развития невозможен без расширения диапазона и упрочения гарантий гражданам их экономических, имущественных, представительских прав.

Вместе с тем, Китай представляет собой весьма сомнительного лидера глобализации, поскольку китайская модель экономики с массивным непрозрачным и мало проницаемым для рынка госсектором не слишком гармонично вписывается в неё. О сохраняющемся приоритете государственного сектора экономики, его системообразующем статусе ещё раз подчеркивалось в документах недавнего XIX съезда КПК.

Выступать в качестве альтернативного США глобализационного ядра Китай ещё не готов. Китайская экономика, при том что по формальным количественным показателям ВВП настигает американскую, по качественным показателям далеко не равнозначна ей. Научно-технологический инновационный потенциал, уровень способности к коммуникационной адаптации – к свободному движению капиталов, технологий и рабочей силы – у Китая пока ниже американского. Китай не готов пока так же, как США капитализировать свои экономические ресурсы, структуру и отрасли экономики в мировое разделение труда, создавать цепочки стоимости, доминируя в них столь широко и повсеместно, как это делают до настоящего времени американцы. КНР, как показывает практика, не готова пока к формированию "преференциальных" торговых соглашений по типу ТТП: те обязательства по выстраиванию, а главное по поддержанию "правил игры" в мировой экономике, в частности, в области охраны интеллектуальных прав; прозрачности финансовых потоков; равных условий для частного и государственного сектора (например, равного доступа частного сектора к госзакупкам); гарантий и стандартов трудового законодательства Китай потянуть не может.

Ещё одной интригой форума АТЭС в Дананге стали усилия 11 стран – участников Транстихоокеанского партнёрства обеспечить продолжение формата этого соглашения уже без участия США. Этим странам – ТТП 2.0 – при лидирующей роли Японии удалось договориться и сохранить костяк ранее согласованных принципов и регламентов соглашения. График и сроки снижения и обнуления тарифов остались таким же, как и при участии США; было приостановлено действие незначительного числа статей начального варианта партнёрства – 20 статей. Были аннулированы договорённости, главным образом, касающиеся гарантий государства иностранному инвестору, а также по-

ложений по охране прав интеллектуальной собственности. Эти положения ранее лоббировали США⁶.

Переговорный процесс ТТП 2.0 ещё далёк от завершения. На дальнейших переговорах по отдельным темам настаивают Канада, Малайзия, Вьетнам и Бруней. За исключением позиции Канады, которая настаивает на особых условиях экспорта автозапчастей, оставшиеся разногласия не представляются критичными для завершения процесса.

В последний момент Канада отказалась участвовать в министерской встрече 11-ти участников Транстихоокеанского партнёрства 2.0 в Дананге, сохранив таким образом интригу. Её потенциальное отсутствие в формате может сильно его ослабить⁷.

Кадровая идеология

С приходом Д. Трампа в Белый дом во внешней политике страны стали доминировать новые кадры и идеология. Внешнеполитические интересы и политику США традиционно определяли три основные силы: представители гражданской бюрократии, военные и бизнес-элита. Соотношение сил и влияние этих трёх элитных сегментов варьировались в разные политические периоды. В период холодной войны преобладало влияние военных в связке с гражданскими бюрократами, а бизнес был на вторых ролях. После окончания холодной войны военные утратили доминирующую роль, и в определении интересов национальный безопасности более весомым стал голос бизнеса. При этом гражданские бюрократы не сдали своих позиций. После краха коммунистического блока они стали всячески продвигать в интересах Америки ценности глобализации и либерального мирового порядка, посредством таких механизмов и институтов, как ВТО, Международный валютный фонд, *G-8*.

После событий 11 сентября 2001 г. в соотношении сил, определяющих внешнюю политику США произошли новые изменения. По мере нарастания угроз международного терроризма роль военных ощутимо усилилась, однако "либералы-глобалисты" сохранили достаточное влияние.

Применительно к Китаю либералы-глобалисты, начиная с администрации Клинтона, проводили линию на активную экономическую и инвестиционную вовлечённость США в китайскую экономику, на поддержку частного сектора и рыночных механизмов в КНР. Это рассматривалось в качестве важного позитивного фактора с точки зрения интересов и безопасности США. По оценке глобалистов, укрепление частного сектора и рыночной ориентации Китая благоприятно влияет на китайскую внутреннюю и внешнюю политику поскольку развитие китайского бизнеса как тенденция неизбежно ограничивает власть КПК и китайского генералитета.

⁶ 'TPP 11' nations reach agreement in principle, to take effect by 2019. Available at: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Trump-s-Asian-visit/TPP-11-nations-reach-agreement-in-principle-to-take-effect-by-2019> (accessed 20.11.2017); Pacific Rim countries close in on TPP deal without US. Available at: <https://www.ft.com/content/82c29b4a-c616-11e7-a1d2-6786f39ef675> (accessed 12.11.2017).

⁷ TPP trade deal talks move forward despite Canada wobble. Available at: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-41937285> (accessed 15.12.2017).

Администрация Д. Трампа с порога отвергла глобализацию и строительство либерального миропорядка, а политику прежних администраций США, ориентированную на поддержку рыночной экономики в Китае, признала большой ошибкой. По мнению самого президента и архитекторов его китайской политики, роль и влияние КПК несколько не ограничивают свободу бизнеса в КНР и не в состоянии это сделать⁸. Наоборот, КПК, опираясь на лояльность бизнеса и успехи экономического роста, усиливает своё господство в стране. В результате Китай не только не способствовал строительству либерального миропорядка, а, наоборот, усилился, чтобы трансформировать этот миропорядок под себя. Ключевые фигуры администрации Д. Трампа, такие как министр обороны Д. Мэттис и председатель Экономического совета при президенте Г. Кон, считают, что обеспечение интересов безопасности США через глобализацию и создание либерального миропорядка с опорой на демократические государства было большим заблуждением⁹.

Вместе с тем в администрации Д. Трампа нет единства относительно того, как следует строить отношения с Китаем в экономической области. Если один из ключевых экономических советников президента П. Наварро, а также его главный стратег С. Бэннон (в бытность свою на этом посту) были сторонниками жёсткого подхода и протекционистских мер против КНР, то другой экономический советник, Г. Кон, никогда не поддерживал такую жёсткую линию¹⁰.

В августе 2017 г. президент Д. Трамп издал директиву и поручил ведомству торгового представителя США в лице Р. Лайтхайзера провести расследования в отношении Китая и подготовить соответствующий доклад в соответствии со статьёй 301 закона США "О торговле" 1974 г. Данная статья касается передачи технологий, защиты интеллектуальной собственности и инноваций.

Этот шаг администрации в значительной степени примирил противоборствующие группы влияния в китайской политике США. В отличие от ранее практиковавшихся по заявлениям Вашингтона разбирательствах в рамках ВТО, процедура по статье 301 закона "О торговле" передаёт все инструменты и инициативу по торговой политике КНР в руки президента Соединённых Штатов. Разбирательство будет длиться один год и, в случае если будет признано, что Китай действует в нарушение торгового законодательства США, президент будет в праве ввести повышенные тарифы в отношении китайского экспорта.

Расследование по статье 301 инициировано и будет проходить в условиях чистки сторонников глобализации и либерального миропорядка в первую оче-

⁸ China's black hearts and Beijing's dirty little secret—Trump's new trade pick, Peter Navarro, in his own words. Available at: <https://qz.com/833635/chinas-black-hearts-and-beijings-dirty-little-secret-donald-trumps-china-muse-peter-navarro-in-his-own-words/>. (accessed 25.11.2017).

⁹ General "Mad Dog" Mattis's 3-point Plan to Make America Great Again. Available at: <http://bigthink.com/the-art-of-the-bill/3-ways-to-make-americas-military-great-again> (accessed 14.12.2017); How Gary Cohn Became The Hated Jewish 'Globalist' In Trump's Cabinet. Available at: <https://forward.com/news/368913/how-gary-cohn-became-the-hated-jewish-globalist-in-trumps-cabinet> (accessed 21.10.2017).

¹⁰ How Gary Cohn Became The Hated Jewish 'Globalist' In Trump's Cabinet. Available at: <https://forward.com/news/368913/how-gary-cohn-became-the-hated-jewish-globalist-in-trumps-cabinet> (accessed 24.10.2017).

редь в Госдепартаменте США. По данным информированных китайских аналитиков-американистов, на октябрь 2017 г. из 587 должностей старших дипломатов Государственного департамента около 400 оставались вакантными. Отток профессиональных кадров из внешнеполитического ведомства продолжается. При ослаблении гражданских бюрократов-глобалистов бизнес-элита США остаётся один на один с военными в формулировании политики в отношении КНР. Хотя и бизнес, и военные недовольны усилением политической и экономической роли Китая в мире, бизнесмены опасаются того, что на Китай вновь будет навешен ярлык врага № 1, и будет развязана полномасштабная торговая война. Бизнес-элиты США, ориентированные на глобализацию и международное разделение труда справедливо обеспокоены, что в случае односторонних протекционистский мер Д. Трампа в отношении КНР, китайцы прибегнут к симметричным ответным мерам.

"Бизнес-модель" Д. Трампа во внешней политике

Характерным для Д. Трампа методом, в определённом смысле "коньком" его внешнеполитического стиля, по крайней мере на начальном этапе республиканской администрации, стал его "бизнес-подход" к разруливанию внешнеполитических проблем. Свою концепцию он неоднократно "объяснял", "манifestировал" аудитории как в ходе предвыборной кампании, так и будучи уже на посту президента. В известной степени этот подход представляет собой внешнеполитическую философию, методологию президента Д.Трампа – человека, основной опыт которого составляет его карьера бизнесмена – дельопера, инвестора, игрока медийного рынка.

Суть этого подхода, по Трампу, достаточно проста. Внешняя политика, межгосударственные переговоры, как и бизнес, представляют собой торг вокруг товара. Товар в данном случае – то или иное действие партнёра по переговорам, которое устраивало бы, продвигало урегулирование определённой внешнеполитической проблемы в интересах США. Заплатив партнёру соответствующую "цену" за его уступки – в виде компромисса, какого-либо ответного шага, выгодного контрагенту – эту проблему, таким образом, можно решить.

Дональд Трамп неоднократно объяснял или намекал на мотивировку своих действий на китайском направлении именно таким подходом. Излюбленной формой коммуникации президента США стали его сообщения в сети Твиттер. Так например, он в разных ситуациях и в разных формах давал понять, что не форсирует активно свои серьёзные претензии и инвективы в адрес Китая – в первую очередь в торговле – как плату за сговорчивость и партнёрство Китая в урегулировании на Корейском полуострове. В понимании администрации Д. Трампа "корейская проблема" – острая и неотложная проблема текущего момента – уже сейчас связана с сакральной безопасностью США. По степени сакральности северокорейская тема отодвигает на второй план

латентную, острую, но не угрожающую Америке смертью сейчас проблему экономических противоречий с КНР¹¹.

Также сразу после избрания, поясняя логику своего поведения после нашумевшего события с телефонным поздравлением от президента Тайваня Цай Инь-вэнь, Д. Трамп прямо апеллировал к "бизнес-подходу". Он открыто заявлял, что принцип "одного Китая" – вполне приемлемая валюта или козырь в руках США, которые можно использовать для давления на Китай в вопросах экономики¹². Впоследствии, однако, эта позиция была быстро "отыграна" назад по мере нарастания остроты на корейском направлении.

Так уже в апреле 2017 г., отвечая на вопрос агентства Рейтер, возможны ли будущие телефонные ли иные контакты между ним и президентом Цай Инь-вэнь, Д. Трамп ответил в том смысле, что он не хотел бы в будущем причинять неудобства председателю Си: "В том случае, если инициатива такого звонка поступит (от тайваньской стороны) я сначала посоветуюсь с председателем Си, прежде чем приму своё решение по этому поводу"¹³.

Другой классический пример применения "бизнес-подхода" в действиях администрации Д. Трампа – позиция занятая ей, по свидетельству прессы, в переговорах с японским премьером Синдзо Абэ в ноябре 2017 г. по вопросу о ядерной угрозе КНДР. США заинтересованы в максимальной солидарности Японии по данной теме, в достойной оплате с японской стороны усилий и затрат США по выполнению последними союзнических обязательств перед Токио. Что делает в этой ситуации Д. Трамп: с присущей ему прямотой бизнесмена он предлагает Токио "раскошелиться" и приобрести современные системы ПРО у США, с помощью которых Япония могла бы купировать корейскую угрозу, защитить японские острова¹⁴.

Надо сказать: то, что делает Д. Трамп в данном случае, представляет собой скорее стиль ведения внешней политики, стиль ведения коммуникации со своими партнёрами по переговорам. Не более и не менее. В определённых внешнеполитических ситуациях – "контекстах" двусторонних отношений – и для определённого типа внешнеполитических проблем этот стиль вполне приемлем. Он может быть адекватно воспринят, правильно "прочитан" партнёрами по переговорам и привести к ситуативному успеху этих переговоров с точки зрения интересов США.

¹¹ Д. Трамп. Сообщения в сети Твиттер. 31.03.17; 11.04.17; 13.03.17; 16.04.17; 28.04.17; 20.06.17; 08.07.17; 30.07.17; 03.09.17; 25.10.17; 29.11.17; Donald Trump Complete –Search Tweets, Speeches, Policies / Factbase. Available at: <https://factba.se/search#china> (accessed 29.11.2017).

¹² Д. Трамп. Сообщение в сети Твиттер. 02.12.2016. Available at: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/804848711599882240>; The Trump-Tsai Call and the United States' "Unofficial" Relationship with Taiwan. 8.12.2016 (IN10620) CRS INSIGHT. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/IN10620.pdf> (accessed 08.10.2017).

¹³ Jeff Mason, Stephen J. Adler, and Steve Holland, "Exclusive: Trump Spurns Taiwan President's Suggestion of Another Phone Call," Reuters, 28.04.2017. Available at: <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-taiwan-exclusive-idUSKBN17U05I> (accessed 28.09.2017).

¹⁴ Trump, During Visit To Japan, Talks Trade And North Korea, 6.11.2017. Available at: <https://www.npr.org/sections/thetwo-way/2017/11/06/562269137/trump-during-visit-to-japan-talks-trade-and-north-korea>; Trump arrives in South Korea from Japan, after calling for a military buildup to counter North Korea. Available at: <http://www.latimes.com/politics/la-na-pol-trump-tokyo-20171106-story.html> (accessed 20.11.2017).

Отметим, что такой подход наиболее продуктивен, в том случае, когда встречные решения, которыми "обмениваются" партнёры, воспринимаются и "прочитываются", что называется, в той же самой системе координат, с тем же набором факторов и мотивов, "веса" этих мотивов, который имеется у обоих переговорщиков. Это позволяет обеим сторонам прийти к более или менее одинаковому или сходному пониманию "цены" вопроса, а соответственно, и к способности прийти к компромиссу и развязать данный переговорный узел. Такая ситуация вполне возможна и, соответственно, позитивный исход переговоров, ситуативно и субъективно признаваемый обоими участниками торга, вполне реален.

Вместе с тем накладывать "бизнес-парадигму" на всю внешнеполитическую сферу и всю внешнеполитическую проблематику, предполагая, что она всегда сработает и приведёт к желаемому результату, было бы большим упрощением по целому ряду причин.

Во-первых, во внешнеполитической сфере объектом торга и переговоров является, как правило, такая сложная и многофакторная категория, феномен, как "внешнеполитический интерес государства". Его генезис, мотивация, интерпретация представляет собой сложный, исторически длительный, ситуативно подвижный процесс. Этот интерес не может быть "объективно" капитализирован – оценён – на "внешнеполитической бирже", как цена на нефть или на конкретную акцию на фондовой или сырьевой бирже.

Обстоятельства и факторы, в соответствии с которыми этот интерес считается значимым и важным, степень этой значимости не всегда могут адекватно прочитываться контрагентами по переговорам, что ведёт к неадекватности и непониманиям в переговорном процессе. Кроме того, как правило, немаловажную роль играет "субъективный" фактор – как конкретно оценивает данную проблему тот или иной задействованный в переговорах и "противостоящий" политик. К примеру, такая вполне очевидная и достаточно одномерно воспринимаемая американцами проблема, как угроза безопасности США со стороны КНДР вследствие приобретения Пхеньяном ядерного оружия, а также заинтересованность США в китайской поддержке по ликвидации этой угрозы, со стороны КНР рассматривается не столь одномерно, а более сложно.

Помимо угрозы ядерного конфликта на своей близкой периферии, опасности дестабилизации и хаоса у своего близкого соседа, Пекин рассматривает и другие факторы, обуславливающие его интересы и поведение. Эти факторы сдерживают китайские интенции поддержать США. Здесь и "цивилизационно-исторический" момент – длительная история взаимоотношений Китая и Кореи в парадигме сюзерен – вассал (практика "номинального вассалитета"), существовавшая между сторонами многие века; и "идеологический" фактор – поддержка классово чуждой "заокеанской" державы против родственной по духу "социалистической" Кореи; и, естественно, неприятные "патриотические" и психологические сложности Пекина – блокирование с бывшим врагом против бывшего младшего брата и союзника, узы, которыми Китай и Корея были скреплены кровью в Корейской войне 1950–1953 годов. Наконец, китайской стороне здесь видится и "цивилизационно-расовый" аспект: удушение Китаем малого, но гордого представителя жёлтой расы совместно с "белой сверхдер-

жавой". Все данные мотивы и обстоятельства, значимость их для Пекина осознать американскому партнёру непросто; ещё труднее капитализировать эти обстоятельства в "цену вопроса", которая, с противоположной стороны может восприниматься и как "цена предательства".

Говоря о "бизнес-подходе", отметим что реальность внешнеполитического "торга" ещё более усложняет то обстоятельство, что конкретные действия государств, их конкретные интересы, как правило, являются продуктом, частью, компонентом определённых внешнеполитических стратегий или более широких идеологий, ценностных парадигм. В рамках этих идеологий и парадигм принимаются решения, которые рассматриваются лишь как элемент, ступенька, шаг – малый или большой – в достижении цели, обусловленной данной идеологией. Рассматривая эти свои действия в собственной идеологически (или стратегически) заданной системе координат, внешнеполитический игрок придаёт ему ту значимость и "цену", которая сильно искажена либо сокрыта от его "соперника" по переговорам. "Соперник" не разделяет и не действует в ценностной парадигме контрпартнёра. К тому же каждый участник переговоров в своих действиях, в рамках своей "картины мира", стратегии и идеологии может опираться на такие факты, ресурсы и сценарии будущего, которые его "соперник" в рамках своей парадигмы не знает и не признаёт.

Примером такой ситуации в обобщённом плане может служить заключение Брестского мира между Россией и Германией в 1918 г. Гипотетически рассматривая контекст и условия Брестского мира в рамках "бизнес-подхода", следует признать его результаты на этапе заключения, в марте 1918 г., архипушными для Германии. Это и вывод России из войны, ликвидация ситуации войны на два фронта для Германии, передышка обескровленной германской армии и перегруппировка внутривойсковых и военных сил, а кроме того колоссальная аннексия и контрибуция, наложенные на Россию. Однако Россия, в лице большевистского правительства Ленина, рассматривала этот торг в своей, принципиально иной идеологической парадигме. Российская стратегия основывалась на необходимости сохранения молодой социалистической государственности, необходимости сохранить за собой контроль над страной и её выживаемость перед лицом серьёзных внутренних врагов и проблем (анархия, мятеж, голод, разруха). Но главное, Советская Россия при этом исходила из троцкистско-ленинской концепции перманентной революции, надеясь, что восставшая "красная Европа" (в первую очередь Германия, но также Франция и Англия) протянет руку помощи "братской" России и обнулит результаты грабительского "похабного" мира с Германией. Как мы знаем, этим надеждам суждено было реализоваться лишь частично. Революция в Германии в ноябре 1918 г. привела к фактическому отказу России от условий грабительского мира России и Германии, восстановлению контроля (не сразу) над утраченными территориями бывшей Российской империи.

Таким образом, то, что могло казаться триумфом "бизнес-подхода" в марте 1918 г., оказалось его полным провалом уже к концу этого года. Это, в частности, говорит об относительности и ситуативности понятия "успешная внешнеполитическая сделка" вообще. То, что может казаться успехом и продвижени-

ем внешнеполитических интересов страны при одних "вводных" обстоятельствах, приводит к фиаско и краху этих интересов в других.

Говоря о "бизнес-подходе" применительно к внешнеполитическому стилю нынешнего американского президента, разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и традиционные аспекты и факторы внешнеполитической деятельности, присущие любым государствам, которые усложняют, затрудняют, иногда просто исключают внешнеполитические "сделки" а-ля Трамп. К ним стоит отнести отличительные черты политической культуры, традиционной идеологии, культурно-религиозных особенностей, факторы исторических "шрамов", наследия прошлого в отношениях сторон, личные и психологические "совместимости" конкретных политических лидеров, ситуационные "накладки" – массу политических, этнопсихологических моментов, составляющих ткань внешнеполитических действий и решений. Перечисленные особенности наиболее важны, когда речь идёт о взаимодействии государств с таким обширным историческим и культурным "бэкграундом", как Китай.

Пока трудно говорить о том, в какой мере дипломатический "бизнес-подход" Д. Трампа скажется на его китайской политике. Как и вся внешнеполитическая деятельность новой американской администрации, китайская политика Д. Трампа пока не представляет собой целостной, стратегически выстроенной линии действий. В ней много шагов ситуативно и внутривнутриполитически обусловленных, противоречивых и непоследовательных.

Как говорилось выше, в определённом контексте переговоров, "бизнес-подход" Д. Трампа может импонировать его китайским партнёрам и приводить к конкретным договорённостям. По мнению некоторых аналитиков, этому способствует обоюдное понимание сторон, что Соединённые Штаты "сдают" свои лидирующие позиции в мире, а Китай идёт им на смену¹⁵. Итоги двух ключевых серий переговоров Д. Трампа и Си в Мар-а-Лаго и Пекине в 2017 г. – разумеется их "надводная" часть – позволяют говорить о том, что сторонам удаётся приходиться к взаимопониманию и конкретным договорённостям.

Весьма показательно в плане "бизнес-подхода", что Д. Трамп, по крайней мере, на данный момент (конец 2017 г.) собирает достаточно позитивную прессу в китайской блогосфере. Китайские блогеры и наблюдатели фиксируют то обстоятельство, что американские СМИ "дезориентировали" и американскую, и китайскую аудиторию своим негативным отношением и просто травлей республиканского кандидата в ходе президентской кампании, но Д. Трамп, несмотря ни на что победил. Позитивно воспринимается и тот факт, что победил он на выборах именно Хиллари Клинтон, которая считается архитектором и проводником системных антикитайских стратегий предыдущей американской администрации – "перебалансировка" в Азии, Транстихоокеанское партнёрство. Китайской массовой аудитории импонирует эпатажная манера держаться нового президента – его внешняя прямота, неполиткорректность, деловой "конкретный" стиль переговоров. С учётом того, что настроения и тон политических комментариев, особенно в том что касается внешней политики, доста-

¹⁵ Xi and Trump look friendly, but anti-US feeling stirs in China. Available at: <https://www.economist.com/news/china/21731178-two-great-powers-have-very-different-dreams-xi-and-trump-look-friendly-anti-us-feeling> (accessed 05.12.2017).

точно чутко коррелируется с официозной внешнеполитической пропагандой КНР, данное обстоятельство следует считать косвенным подтверждением конструктивной тональности по отношению к Д. Трампу и в официальных китайских кругах.

Список литературы

Труш С.М., 2014. Американский проект Транстихоокеанского партнёрства и Китай // Международная жизнь, № 11, с. 127–140.

Труш С.М., 2017. Один год китайской политики Президента Д. Трампа // Международная жизнь, № 12, с. 106–123.

References

Trush S.M., 2014. Amerikanskiy proekt Transtikhookeanskogo partnerstva I Kitay [American Project of the Trans-Pacific Partnership and China] // International Affairs, No 11, p. 127-140.

Trush S.M., 2017. Odin god kitayskoy politiki Prezidenta D. Trampa [One Year of the Trump Chia Policy] // International Affairs, No 12, p. 106-123.

Trump's Approach to China: Analysis of Motivations and Policy Style

(USA ❖ Canada Journal, 2018, no. 2, p. 41-54)

Received: 8.12.2017.

TRUSH Sergey Mikhailovich, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation (zebra758@gmail.com).

Antiglobalization is one of the strong motives of Trump's China policy. Donald Trump strives to defend the U.S. economy, it's traditional industries and businesses from the negative impac of globalized production. China turns out to be at the focal point of this conflict. Trump uses "business approach" as the tool to solve problems of foreign policy. Such approach has many faults and shortcomings. Very often it is incapable to set up effective communication between the policy actors and drive them to a compromise. With Trump being elected, new cadres and new beliefs were elevated to the foreign policy elites.

Keywords: *U.S.-China relations, the Trump administration, globalization, deficit of foreign trade, Trans-Pacific Partnership, the Taiwan issue, South China Sea, normalization on the Korean Peninsula.*

About the author:

TRUSH Sergey Mikhailovich, Candidate of Sciences (History), Leading analyst.